Григорий Веков

ФИЛОСОФИЯ ЛОГИКИ ЦЕННОСТЕЙ

Москва
КНИГИЗДАТ
2023

УДК 11
ББК 87.1
В26

Веков Г.
В26 Философия логики ценностей / Г. Веков. — М. : КнигИздат, 2023. — 142 с.

ISBN 978-5-4492-0450-9

УДК 11
ББК 87.1

© Г. Веков, 2023
ISBN 978-5-4492-0450-9
© Оформление ООО «КнигИздат», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I
ИЕРАРХИЯ ЦЕННОСТЕЙ
противоречия высших и низших ценностей 10
Гл. 1
Метафизическая граница рассудка и разума 10
Гл. 2
Противоречивость разумного понимания..... 31
Гл. 3
Оценивающий разум..... 51
Часть II
ФРАКТАЛЬНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ
синтез искусства и науки 67
Гл. 4
Расовая память homo sapiens..... 67
Гл. 5
Метафизические тензоры онтологии времени..... 82
Гл. 6
Логика фрактальной последовательности
времени 95
Часть III
МАТЕРИЯ ВРЕМЕНИ
время как метафизическая мера 109
Гл. 7
Время – высшая ценность жизни 109
Гл. 8
Воздействие метафизического пространства..... 118
Гл. 9
Космическая действительность
фрактального мира..... 129

ЧАСТЬ II

ФРАКТАЛЬНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

синтез искусства и науки

ГЛ. 4
РАСОВАЯ ПАМЯТЬ HOMO SAPIENS

Человек навсегда прикован к прошлому: как бы далеко и быстро он ни бежал – цепь бежит вместе с ним.

Ницше

В силу того, что человеческая психика делится по крайней мере на три слоя: животный, «человеческий» и «сверхчеловеческий», то и иерархия ценностей сознания выражает эти слои в зависимости от активности того или иного слоя. В полной мере мы должны отнести слой массовых инстинктов к животному началу человеческой психики, которые за счет процесса сублимирования влечений в определенном социальном поле культуры формируют социальные представления сознания людей своей эпохи. Но время всегда «стирает» эти представления, какими бы «вечными» они не казались для современников, поскольку любые представления никогда не выходят за пределы чего-то «человеческого», то есть того, что присутствует в памяти человека в качестве опыта его непосредственной жизни, получаемого в результате усвоения культуры своей исторической эпохи. Здесь, безусловно, метод анализа процессов подсознания массовой психологии Фрейда работает полностью, поскольку массовое бессознательное – это и есть граница: животного и «человеческого» в психических процессах. Однако высшие процессы психики, которые мы относим к области расового бессознательного, являются уже другой границей: между человеческим – и сверхчеловеческим, когда то, что создало мир и человека, определяет процесс, который можно назвать «инициацией» метафизического сознания действительности в глубинах высшей человеческой психики. Понятно, что во втором случае, состояние психики человека кардинально иное, тем то, которое он испытывает в первом случае, поскольку здесь существует не непосредственное обращение человека к человеку, а присутствует суровая граница метафизического мира, которая и формирует внутренние процессы развития цивилизации. И если область низших слоев психики может быть описана психоаналитическим понятием социального «комплекса», когда сознание ограничено полем массовых инстинктов, то область высших слоев психики выражает субъ-

ективность и объективность кардинально иного уровня, рационального, где субъект вступает во взаимодействие с метафизической действительностью. Равносильны ли субъективность и объективность в первом и втором случае? Конечно, нет. Они не просто не равносильны, но и выражают разрушительную глубину противоречий между ценностями социальной культуры и ценностями цивилизации, которые всегда внесоциальны в процессе переоценки ценностей. Однако, последнее, не говорит о том, что процесс развития цивилизация направлен против человека, как это кажется с точки зрения ограниченности каких-то абстрактных представлений о мире мыслителям, беспокоящихся о «гибели» культуры. Процессы цивилизации направлены на то, чтобы постоянно перестраивать рациональную психологию человека в соответствии с течением онтологического потока времени.

Главная причина, которая побуждает нас утверждать, что старая модель цивилизации, торгово-промышленная, неэффективна, с точки зрения присутствия в ней рациональных коммуникаций, когда запас инерции ее окончательного распада имеет очень маленький запас прочности во времени, выражается в исчезновении активности в процессах современной псевдоцивилизации высших, расовых слоев психики человека, которые аккумулируют в нем взаимосвязь с метафизическим миром через тензоры фрактальных последовательностей психических реакций, то есть реакций воспоминаний памяти, которые не связаны с его непосредственным опытом жизни. Именно в этих воспоминаниях необходимо искать основы философского учения Платона о существовании вечных идей и одну из центральных идей Ницше о вечном возвращении.

Когда мы утверждаем, что расовая память человека определяет направление развития внутренних процессов мировой цивилизации, то полагаем, что именно в архитектоники движения воспоминаний этой памяти мы и должны искать природу

происхождения расы homo sapiens, а не в материалистическом мифе о биологической эволюции. Конечно, для двух низших состояний человеческой психики: животного и, собственно, человеческого существа, выявляющегося в своем непосредственном образе жизни через животные влечения, материалистического мифа биологической эволюции вполне достаточно. Однако эта низшая система ценностей относится к разуму лишь насколько, насколько схематизм логики поверхностных представлений рассудка относится к истине метафизического мира. Здесь обнаруживается то, что, с точки зрения рациональной меры, можно было бы определить, как глубочайший разрыв, эмоционально как «бездну», когда метафизическое присутствие мира протекает как психологическое состояние сознания между жизнью и смертью.

Если мы будем искать принцип того, что выражает логическое противоречие различных ценностей, то должны, конечно, искать его не в формальной логике Аристотеля, а в диалектике рационального мышления Гегеля, поскольку для нас нелинейность развития внутренних процессов мировой цивилизации слишком очевидна, а нелинейность всегда противоречива, ибо черпает ресурсы своей реальности из хаоса и строит любую фрактальную структуру как меру упорядоченного хаоса в нечто единое. Но если мы будет применять метод диалектического рационального мышления Гегеля к действительности, то сталкиваемся с фрактальными последовательностями онтологического потока времени, которые суть последовательности исторических событий, поскольку мировая история не подчиняется схематизму линейной логики представлений. Здесь следует заметить, что и ценности коммунизма становятся «истинными», если применить фрактальный метод понимания исторических событий. Так, понятно, что пролетарии и рабы всегда разрушают остатки цивилизации, когда она доходит до состояния псевдоцивилизации, что можно наблюдать на всем

протяжении мировой истории. И культ «свободы, равенства и братства» начинает всегда действовать в момент расовой катастрофы, поскольку одним из центральных признаков расовой катастрофы мировой истории является ликвидация функциональности основ рациональной психологии, на которой держится ее модель. Она может протекать в «жесткой» форме, как это произошло с историей гибели Российской империи, или в «мягкой» форме, как это имеет место в массовой социальной системе современной западноевропейской псевдоцивилизации. Поэтому, если отбросить метафизическую действительность, то есть разумные основы существования человека, то ценности коммунизма будут вполне активны в представлении, поскольку эффективно продлевают функциональность проекта торгово-промышленной модели цивилизации. Но видеть разницу: между абстрактными ценностями рассудка и разумной действительностью дано немногим людям, на что обращал внимание еще Гераклит, поэтому во все времена так устойчивы представления культуры, а ценности цивилизации всегда с большим усилием пробивают себе дорогу. И, поэтому, например, Черчилль отдает должное большевикам, что они реализуют продолжение торгово-промышленного англосаксонского проекта цивилизации, тогда как фашистов называет «гуннами», поскольку фашизм определяет этот проект исчерпавшим себя.

* * *

Почему в философии Ницше можно часто встретить оценку эмоционального состояния, связанного с европейским нигилизмом, которую он называет «пессимизм силы»? Мы полагаем, что, психоаналитически, это связано с тем, что в некоторые эпохи разум оказывается в таком положении, что ему начинает противостоять все, в том числе и то, что декларирует себя как

«разум». Это эпохи, которые мы называем эпохами «расовой катастрофы», когда начинается стремительная деформация модели цивилизации в состояние псевдоцивилизации, хотя традиционные представления о разуме продолжают доминировать в массовом сознании. Однако психологическая тяжесть пессимизма силы, обусловленная исчезновением разумности образа жизни человека, начинает приобретать массовый характер, выражаясь уже на психофизиологическом уровне, получив медицинское определение как состояние психологической «депрессии» человека. Так реагируют высшие слои психики человека на исчезновение разума в его непосредственном образе жизни, поскольку для полноценного человека является естественным состоянием именно присутствие разума в его непосредственном образе жизни, когда многочисленный мусор различных поверхностных представлений не может заменить собой глубины активности высших слоев психики. В ход идут различные антидепрессанты во всем мире, когда искусственное стимулирование жизни есть логическое следствие образа жизни, в которой разум практически отсутствует. Этот процесс обусловлен тем, что для жизни человека остаются только два, низших, массива ценностей: его непосредственных животных влечений и абстрактных представлений о реальности, лишенные каких-то внутренних противоречий, то есть массив этих «гладких» поверхностных мыслей, максимально упрощенных в восприятии, чтобы их могла, в частности, воспринимать и неразумная машина. Разум же оказывается исключенным из этого массива представлений, поскольку именно разум определяет всю меру суровости сознания отличия человека от животного, которое не существует в массовом обществе.

Что же указывает в подсознании человека на его неполноценный образ жизни в системе массовых ценностей? Мы утверждаем, что на них ему указывает его расовая память, то есть бессознательная взаимосвязь с памятью предков, которая

«как бы далеко и быстро он ни бежал – бежит вместе с ним». И эта «цепь» действительно очень «тяжела». Она, можно сказать, невыносима тяжела, когда массив низших ценностей становится все более зловещей бессмысленностью существования человека, лишенного основ элементарной активности рациональной психологии в современной псевдоцивилизации в ее попытке навязать свою систему исключительно материальных ценностей. При этом, система «шлифования» навыков формальной логики, наоборот, максимально усиливается в системе массовых коммуникаций в стремлении полностью исключить какую-то противоречивость сложного понимания мира, обладающего метафизической природой.

* * *

Чем является эта «тяжелая цепь», о которой Ницше рассуждал с позиции европейского нигилизма? Мы утверждаем, что речь идет о бессознательной расовой взаимосвязи с историческим прошлым рациональных коммуникаций мировой цивилизации, которая, постоянно трансформируясь во фрактальных событиях мировой истории, не дает возможности сознанию человека потерять взаимосвязь с разумным началом в глубинах своей души. Именно в этой взаимосвязи высших психических процессов бессознательного человека с наследием мировой цивилизации и выявляется мера подлинности существования человека перед лицом мировой истории. Но что постоянно возвращает сознание человека к историческому опыту развития мировой цивилизации? Понятно, что здесь нельзя рассуждать о какой-то традиции, поскольку, можно заметить, что в истории постепенно исчезают даже самые устойчивые традиции народов. Речь идет о каком-то постоянном возвращении к тому, что Платон полагал основанием мира идей в процессах воспоминания особенного состояния человеческой психики, когда

существует взаимосвязь сознания с чем-то, что существовало далеко до начала жизни человека. Причем, как мы полагаем, этот процесс продуцируется бессознательным индивидуальным инстинктом смерти, то есть таким состоянием психики, в котором его подсознательный инстинкт самосохранения как биологического существа практически исчезает. Но что может существовать такое, что обладает возможностью воздействовать через психические процессы расовой памяти человека на его непосредственный образ жизни? Мы полагаем, что это онтологический поток времени, который оставляет свой след в генетической памяти человека как расовый инстинкт подсознания. Здесь важно понимать, что метафизические импульсы присутствуют в подсознании как «скрученные» тензоры энергии высшей психики, которые сложно называть только «человеческой» психикой в чисто материалистическом понимании. Конечно, какой-то минимальный момент чисто материалистического понимания присутствия расовой памяти в генетической преемственности здесь существует, когда эта минимальность отображает не доминирующий, а зависимый, момент развития, поскольку абсолютно доминирующим началом здесь является именно структура фрактальной последовательности развития. Так, характерной особенностью строения развития фрактальной последовательности на генетическом и метафизическом уровне является выявление реальности объекта в качестве темпоральной структуры.

* * *

Размышляя над законами, которые владеют внутренними процессами мировой цивилизации, можно заметить, что в обращении Ямвлиха к древнеегипетским мистериям, а Ницше – к дионисическим мистериям др. греков в полной мере выражается то, что Платон понимал под процессом воспоминания,

вследствие которого сознание человека существует в области «вечных» идей. Понятно, что в понимании «вечного» мы должны искать то, что выражает разумную действительность, в первую очередь, в максимально суровой границе между психическим процессами, определяющими ценности рассудка и разума. И здесь мы, во-первых, видим формулу Платона «время – образ вечности», а, во-вторых, позицию учителя Платона, Сократа, который утверждал, что он учит только одному, «умиранию и смерти». Таким образом, Сократ учил необходимости формирования основ рациональной философии в особом состоянии психики, когда процесс созерцания реальности концентрируется на объективности, где существуют совершенно другие ценности, чем ценности абстрактного человеческого рассудка. Подобная необходимость, как известно, возникла как противопоставление различным абстрактным представлениям софистов. Значит, формирование любой позиции разумной идеи возникает не из подсознательного инстинкта самосохранения человека как биологического существа, а из его подсознательного инстинкта смерти, который и формирует напряжение метафизической взаимосвязи сознания и времени. Если же мы учтем, что разум для др.грека был именно «логосом», то есть сферой коммуникаций разговорного языка человеческой речи, то становится понятно, что граница между разумом и рассудком выстраивалась в начальной позиции идеализма как граница: между культурой и цивилизацией. Культура учила о существовании священной веры в богов, а философия, начиная с философской деятельности Сократа, стала требовать подчинения психического склада человека такому состоянию, где мир приобретает содержание момента равенства с той силой, который произвела мир и человека, а не только поклоняться ей, как тому учила культура. Почему Ницше обрушился на платонизм? Мы полагаем, что причины следует искать в том, что во фрактальной системе координат мировой истории, он, как и в свое время Ямвлих,

стали свидетелями расовой катастрофы, то есть процесса обрушения устойчивых связей мировой цивилизации в момент перехода ее от одной модели – к другой. Но в обоих случаях, как мы утверждаем, возвращение к прошлому производит расовая память человека, то есть это расовая память и есть онтологический поток времени, контролирующий высшие слои психики человека в особом состоянии.

То, что, безусловно, следует полагать великим достижением философского наследия Ницше, так это «разрыв» монотонной последовательности течения философской рациональной мысли, которая характеризует всю западноевропейскую школу, вплоть до Канта. Значительно сложнее, в этом смысле, необходимо оценивать философское наследие Гегеля, поскольку, несмотря на линейное понимание событий мировой истории, он разработал логику рационального мышления, в основе которой следует искать объяснения названия философского учения Ницше «нигилизм». Так, субъект-объектный переход рациональных понятий в диалектике Гегеля осуществляется именно за счет рефлексии понятия «ничто», то есть постоянной фиксации границы между различными состояниями психики, где одна ориентирована на непосредственные восприятия, вторая – на абстрактные схемы рассудка, и только третья – на разумное понимание действительности. Именно здесь, на границе между человеческим и сверхчеловеческим и формируется рефлексия противоречий рассудка и разума, которая характеризует как диалектику рациональных понятий Гегеля, так и сферу идей Платона, которые тождественны в своей безусловной ориентации на ценностную прерогативу власти разумного мира. В этом смысле, идеи философского наследия Ницше требует не просто максимальной жесткости этой границы: между рассудком и разумом, но и доводят их до наивысшего противоречия между ними.

* * *

Если мы будем оценивать учение анамнезиса Платона с позиции современного объективного исторического разума, стремясь объяснить источник образов воспоминания, из которых формируются психологические основы рациональной психологии, то сразу должны забыть о чем-то «человеческом», поскольку эти образы возникают в сознании человека из опыта, который память человека получает не при жизни, а из того, что существовало до рождения человека. Эстетическое созерцание – это единственное, что не разрушается под воздействием подсознательного инстинкта смерти, на базе которого и формируется граница ценностей рассудка и разума. Более того, чем более возвышенный образ художественного объекта, который характеризует художественные произведения всех исторических эпох, тем жестче и глубже воздействие глубин расовой памяти на подсознание человека, высвечивая онтологическую природу времени как непрерывную взаимосвязь с высшими ценностями прошлого. Главную причину, которая утверждает именно произведения искусства объектами высших ценностей, является тот факт, что только феномен искусства не подвержен максимально разрушительному воздействию высших процессов психики, связанных с бессознательным инстинктом смерти. Можно сказать, что объект искусства есть наиболее близкий к фрактальной основе строения метафизической природы мира.

То, что можно наблюдать в реальности современного массового общества, так это попытку всеми средствами ликвидировать возможность восприятия человеком полноценного эстетического феномена, когда вместо подлинного искусства ему подсовывается разного рода суррогат, который вместо того, чтобы возвышать чувства, наоборот, отбрасывает их к че-

му-то физиологическому и низменному. Последнее, направлено на то, чтобы доказать, что человек есть исключительно биологическое существо, не более того. Ясно, что подобного рода произведения «искусства» ставят своей задачей – держать психические процессы человека под полным контролем доминирования его животных, или массовых, инстинктов. В этом воздействии массовых ценностей на подсознание человека, мы обнаруживаем фрактальное подобие исторических процессов, например, в раннем христианстве – усилия, направленные на то, чтобы полностью расправиться с научным пониманием мира. Впрочем, нужно понимать необходимость такой позиции раннего христианства и современной массовой культуры: полноценная идея существования Бога слишком сурова для подавляющего большинства людей точно также, как метафизическая природа времени в наше время. В обоих случаях, можно заметить, что суровость откровения нового мира требует некоторой «блокировки» процессов высшей психики, поскольку ее перестройка в момент расовой катастрофы крайне болезненна для психосоматического состояния человека. Именно поэтому в период расовой катастрофы следы разумного человека почти исчезают в цивилизации, хотя, конечно, наступление нового откровения мира, наоборот, медленно, но неумолимо, захватывает весь непосредственный образ жизни человека. Так было в момент откровения формирования власти монотеистических религий и аналогичный процесс протекает в современную эпоху Темных Веков.

Мы полагаем, что о происхождении человека современная наука не знает практически ничего, поскольку в Темные Века становления новой модели цивилизации эти знания всегда «нулевые». Да, конечно, достижения в области достижений научной генетики огромны, но все они ограничены двумя низшими познавательными возможностями человека: непосредствен-

ным чувственным восприятием и абстрактными представлениями рассудка, которые не отображает высших процессов человеческой психики, связанных с разумной действительностью. Можно сколь угодно долго продвигаться в направлении изучения гена человека, но все эти знания будут ограничены двумя низшими познавательными возможностями, поскольку изучение структуры фрактала не дает картины целого, которую может дать только разумное понимание предмета.

В аспекте исключительной значимости учения анамнезиса Платона и идеи Ницше о «вечном возвращении» следует переосмыслить рациональную сущность явления традиции в истории мировой цивилизации. Чем она является? Повторением каких-то прописных религиозных истин, присущих судьбе каждого народа или чем-то более универсальным, что касается любого человека на Земле как представителе расы homo sapiens? Мы утверждаем, явление цивилизации, в отличии от сущности культуры, всегда указывает на универсальный характер своего развития, когда идеи развития цивилизации есть, по существу, синтез наиболее полноценных достижений мировой истории, сохраняющихся в глубинах расовой памяти человека, которые взаимосвязаны с его подсознательным инстинктом смерти. Поэтому «неверие», в котором обвинили, например, Сократа в богов, или Ницше – в христианского Бога, есть лишь задача движения к максимальной универсальности существования цивилизации, поскольку вера в любом случае возвращается, но на какой-то более глубокой рациональной взаимосвязи между всеми людьми на Земле. Ведь «тяжелая цепь», о которой рассуждает Ницше, все равно остается в глубинах подсознания человека какой-то взаимосвязью с традицией на расовом уровне, «взрываясь» своей волей к власти в момент критического существования человека в глубинах его высшей психики.

Почему Ницше рассуждает о «тяжелой цепи», а не о человеческой «свободе», о которой рассуждали практически все западноевропейские интеллектуалы, вдохновляемые выдающими достижениями научных открытий своего времени? Ответ мы должны искать в философии Гегеля, поскольку это вершина достижений рационального мышления всего мирового опыта философской мысли. А Гегель, как известно, в отличии от Канта, видел прерогативу существования разумной индивидуальности не в стремлении к свободе, а в выполнении человеком своего долга. Поскольку вопрос выполнения долга есть вопрос метафизический, касающийся именно суровой «цепи», о которой рассуждал Ницше, то мы должны понимать, что уже здесь заявлено разграничение высших и низших ценностей, которое Гегель наметил в моральном принципе своего диалектического метода рационального мышления. Так, долг, в отличии от сознания свободы, существует настолько глубоко в подсознании человека, что действует даже тогда, когда выполнение своего чувства долга полностью отрицает инстинкт самосохранения человека. Подобным образом выявляется высшее противоречие жизни: между человеческим рассудком, существующим во власти обыденных представлений определенной исторической эпохи, и разумом, который всегда существует в авангарде развития новейших идей мировой цивилизации, а потому неизбежно разрушает эти представления. На психологическом же уровне, мы должны понимать эти противоречия как напряжение между динамикой различных пластов человеческой психики: низшей, которая взаимосвязана с физиологией человека, и высшей, которая указывает на существование метафизики времени, протекающей в глубинах его подсознательного инстинкта смерти. И, в отличии от формальной логики абстрактных представлений рассудка, на базе которых строится современная научная логика, не включающая в себя

процессы подсознательной высшей психики, диалектика рациональной логики Гегеля включает в себя ее противоречивость, то есть ту «тяжелую цепь», о которой рассуждает Ницше. Почему все-таки присутствует эта «тяжесть» в душе, в отличии от той легкости, которую человек чувствует, испытывая индивидуальное чувство свободы? Причины этой «тяжести» мы должны видеть в том, что при выполнении человеком своего долга в его подсознании полностью включаются высшие слои психики, то есть человек исполняет свой долг перед духом традиции, действующим в его подсознании, которая владеет его образом жизни со стороны метафизического мира. Поэтому рассуждения о «смерти Бога» Ницше вел именно с точки зрения утраты этой взаимосвязи с высшими слоями подсознательной психики, которые требуют от человека выполнения своего долга любой ценой. Мы должны понимать, что необходимость процесса кардинальной перестройки высших слоев психики отнюдь не разрывает взаимосвязь с духом традиции, когда дух традиции может выступать совершенно неожиданно, как, например, попытка восстановления Российский империи при сталинском режиме или Римской империи древними германцами. Другими словами, дух традиции есть нечто несоизмеримо более глубокое и суровое, чем сама традиция, поскольку традиция строится на балансе матриархальных и патриархальных инстинктов человека, а дух традиции – исключительно на инстинктах патриархальных, а, по существу, на подсознательном инстинкте смерти, который необходимым образом гарантирует действие разумной воли в исторических событиях. Именно по этой причине, можно видеть, что Россия как государство не исчезло после гибели Российской империи, а дух Римской империи пронизывал германский дух вплоть до идеи «третьего рейха».

ГЛ. 5
МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ТЕНЗОРЫ ОНТОЛОГИИ ВРЕМЕНИ

Время – это движущийся образ вечности

Платон

Возвращаясь к учению анамнезиса Платона о воспоминании, которое формирует взаимосвязь сознания человека с «вечными» идеями, необходимо понимать, что с позиции современного объективного разума здесь речь идет о расовой памяти homo sapiens, которая определяет высшие слои психики любого человека на Земле. Разум – это максимально суровая граница с животными влечениями биологического существа человека. Вся мировая история доказывает, что рационально мыслящих людей в мировой цивилизации всегда было мало, но именно они и являются подлинными строителями основ цивилизации, воздействуя на абстрактные представления рассудка выражением ее новейших идей развития. Малочисленность же этих людей вязана с тем, что активность высших слоев психики очень разрушительна для соматического состояния человека, поэтому человек их подсознательно блокирует своим инстинктом самосохранения, формируя определенные блоки представлений культуры. Именно по этой причине, можно видеть, что исторические эпохи, подобные эпохе Перикла и итальянского Возрождения, занимают достаточно короткий период в мировой истории, что «острие» духа времени, возникающее в среде великих людей этой эпохи, не дает длительное время оставаться на «вершине» этого духа, сжигая ресурсы высшей психики человека, вследствие чего начинается откат назад, к власти животных влечений в среде человеческих ком-

муникаций. Конечно, это происходит не сразу, но происходит неминуемо. Но подобный возврат и есть забвение разума, когда постепенно возникают массовые коммуникации, вместо коммуникаций рациональных, сменяя великие эпохи – попыткой хотя бы удержать воспоминание об их прошлым. Так, Аристотель передает эстафету расовой памяти великой греческой цивилизации А. Македонскому, а сам А. Македонский «растворяет» ее на Востоке, разбавляя великий дух прошлого чем-то массовым, в своей империи. Мы полагаем, что, с точки зрения законов развития процессов мировой цивилизации речь должна идти о возвращении и исчезновении духа расы homo sapiens, который и формирует основы рациональной психологии человека.

Почему Шпенглер утверждал, что каждая новая модель мировой цивилизации выражает свою идею числа? Этот феномен объясняется тем, что время, имея фрактальную природу, всегда обладает той мерой понимания на уровне абстрактного рассудка, который привносит свою долю научного знания в судьбу мировой цивилизации. Онтология времени в каждой модели мировой цивилизации выражает свою материю разумной действительности, где ценности жизни – суть фрактальные связи цивилизации как тензорные потоки напряжения высших слоев психики, перемешанные с комплексами подсознания, формируемые ценностями культуры. Другими словами, человеческая психика есть хаотический «коктейль» высших и низших подсознательных процессов, где высшие слои ориентированы на разумные движения, а низшие слои – на массовые инстинкты. Причем, если в массовых коммуникациях важнейшую функцию выполняют социальные комплексы, то в рациональных коммуникациях – цивилизационные тензоры. Число, или математическая мера, структурирует границу: «человеческую», обращенную к возможностям абстрактного рассудка, то есть к математической мысли, и «сверхчеловеческую», обращен-

ную к метафизической природе времени. Но поскольку метафизическое неисчерпаемо в принципе в процессе познания разумом, в отличии от конечных представлений рассудка, то различные модели числа выражают различные модели цивилизаций, соответствующие своей исторической эпохе и характеру народа, который формирует эту модель цивилизации в пределах известных человеческих представлений. При этом, развитие истории математической мысли в полной мере отображает и метафизику развития модели определенной цивилизации, когда она начинается с возвращения к предшествующим достижениям, как, например, это было в истории западноевропейской научной мысли в момент возвращения к математике др. греков. Здесь мы должны понимать, что подлинная философская мысль существует только тогда, когда она выражает то или иное метафизическое присутствие мира.

Для нас очевидно, что разумной метафизической мерой, которая определяет новейшие идеи развития современной мировой цивилизации, является время. При этом, представление, что время течет линейно, проецируя физический мир на непосредственный образ жизни человека, в наше время есть уже предрассудок, который, конечно, дает возможность стабильности существования массового общества, но не дает возможности развития мировой цивилизации. Наоборот, массовое общество есть инструмент по ликвидации разумного образа жизни человека, поскольку строит свои внутренние процессы исключительно на представлении о единственности существования материального мира. Именно для синхронного функционирования внутренних процессов массовых социальных коммуникаций и существует линейное представление о времени, в котором две низшие познавательные возможности человека: непосредственное чувственное восприятие и представление абстрактного рассудка определяют массовый образ жизни человека. А как же высшая, разумная, познавательная

способность человека, которая несоизмерима более сложная, чем эти две низшие познавательные способности, но которая, собственно, и была всегда основанием для существования мировой цивилизации? Мы ее не обнаруживаем в явном виде в современном непосредственном образе жизни человека, поскольку массовое бессознательное иррационально, какой бы прогрессивной социальной организацией не обладало, и на какой бы уровень развития научно-технического прогресса не опиралось. Однако неявное, что пробивает себе дорогу в этом иррациональном хаосе разрушенных представлений о метафизическом мире все-таки существует. Мы имеем ввиду, в первую очередь, фрактальное мышление, начиная от его самых примитивных геометрических образов в компьютерной графике и научных идей фрактальной математики – до подобия событий мировой истории, в которых протекают внутренние законы развития мировой цивилизации. Так, компьютерная графика демонстрирует мгновенные сечения метафизического континуума времени, его рациональный «срез», который необходимым образом имеет образ художественной объективности. В этом смысле, Платон утверждал, что мир создан Демиургом, который суть «мастер» высочайшего художественного образа. Переводя эту мысль Платона на современную рациональную мысль, мы должны понимать это как идею о том, что метафизическая сущность времени может быть «схвачена» только в качестве художественной реальности, через которую с нами ведет диалог метафизическое начало мира во времени. Понятно, что математическая строгость метафизической меры здесь тоже присутствует в качестве максимальной дискретности фрактальной структуры, когда целое можно увидеть только при достаточном удалении от отдельных фрагментов. Но и целое, или Единое, по Платону суть лишь «вечное возвращение» того, что присутствует в глубинах высшей подсознательной памяти как максимальное приближение метафизического

начала времени или, наоборот, его максимального удаление в отображении сознания. И если максимальное отображение метафизической сущности времени демонстрирует в мировой истории великие исторические эпохи, в которых доминируют устойчивые рациональные коммуникации между людьми, то минимальное его отображение, наоборот, есть эпохи забвения этих рациональных коммуникаций и власть коммуникаций массовых.

Если социальные коммуникации массового общества образуются за счет социальных комплексов психики, возникающих на границе низшей психики человека: между непосредственными чувственными ассоциациями и абстрактными представлениями рассудка, то рациональные коммуникации мировой цивилизации формируются на границе высшей психики: между абстрактными представлениями рассудка и рациональным мышлением. Причем, если в первом случае, границей этой низшей психики является биологический инстинкт самосохранения, то границей высшей – подсознательный инстинкт смерти, когда понимание конечности биологической жизни становится доминирующим в сознании вследствие постоянного напряжения в отображении взаимосвязи с метафизическим миром. В чем, в принципе, проявляется граница между физиологией и процессами высшей психики? Нам, конечно, известны научные исследования процессов человеческой психики, но все они сводятся, в конечном счете, к чему-то исключительно материальному, то есть подобные исследования протекает в понимании, что существуют: человек и неразумная природа, которую он исследует с научной точки зрения. Здесь разум исключен, поскольку исключен разумный человек из современной научной среды, где глубокомысленное мышление стало изгоем с недавнего времени.

Каким же образом иррациональность массового сознания убеждает сознание современного человека, что его окружа-

ет «цивилизация», а не псевдоцивилизация? Методы здесь строятся на том, чтобы максимально внушить массовому сознанию, что непротиворечивость абстрактной логики и есть «разум». А поскольку законы формальной логики являются основой повседневной жизни человека, то исключение противоречия в повседневности логики массовых представлений о мире стали, по существу, тем «туманом», который закрывает тотальный иррационализм образа жизни человека, навязываемый ему массовыми ценностями. Но, следуя за новейшей логикой диалектики рационального мышления Гегеля, мы должны понимать, что противоречивость и есть взаимосвязь с метафизической природой мира, которая присутствует в непосредственной жизни человека постоянным переходом границы различных уровней познания, где наиболее сложный, разумный, требует присутствия в непосредственной жизни человека метафизики разумной действительности. Переход этих границ осуществляется за счет отрицания различных полюсов противоречия, то есть разрушения устойчивости представления, «заметаемого» онтологическим потоком времени в нечто ничтожное по отношению к высшим ценностям. Собственно, это и есть нигилизм Ницше, или позиция субъективного разума, противопоставляющая в противоречии высшие и низшие ценности, или противопоставление системы ценностей, из представлений которых разум «ушел», к ценностной основе, в которую он выразился в едва намеченной границе разумного понимания. «Граница» – это переход в кардинальное иное состояние рациональной психологии, где ценностная основа вступает в противоречие с тем, что казалось истинным мгновение назад. Понятно, что представление требует стабильности для понимания «истинного», чтобы истинное было истинным всегда, то есть «вечно». Главное же здесь состоит в том, что наличие, или присутствие, разумного понимания действительности необходимым образом выражает взаимосвязь

с метафизической природой мира. В противном случае, когда «плодятся» разного рода абстракции рассудка в разного рода представлениях о мире, взаимосвязь с метафизическим миром отсутствует. Это мы и наблюдаем в достижениях современной науки, где материализм представлений стал тотальным, и, как следствие, взаимосвязь с подлинной природой понимания мира была утрачена.

Когда мы объективно разумно оцениваем цитату Платона, взятую нами в начале главы, то должны понимать, что этот «вращающийся» образ времени, то есть фрактальная последовательность движения бесконечного подобия: от первообраза – к образу, и создает в сознании человека определённую ценность жизни. Ценность, следовательно, есть отображение в сознании человека определенного опыта его памяти, «человеческого», если речь касается конечного опыта его представлений непосредственной жизни, или «сверхчеловеческого», когда мы рассматриваем воспоминания его расовой памяти. Но расовая память, в подсознании, есть то, то существовало в его жизни в опыте его предков, то есть передача информации, которая воздействует на сознание из его подсознательного инстинкта смерти. Понятно, что эта граница не может быть только «человеческой», поскольку образы этой памяти живые в значительно большей степени, чем непосредственная жизнь самого человека. Так возникает и формируется традиция разумного понимания мира, то есть, вообще говоря, область философского знания. Можно сказать, что подсознательный инстинкт смерти человека есть та граница, которая выхватывает из его бессознательного взаимосвязь с метафизическим миром, образуя предпосылку для формирования рациональной психологии, поскольку рациональная психология, в отличии от психологии представлений абстрактного рассудка, не существует вне взаимосвязи с высшими слоями психики, вследствие чего и содержит в себе противоречивость понимания.

Почему мы рассуждаем о фрактальности не только в научном смысле математических фракталов, которые можно наблюдать и представлять, но и полагаем, что фрактальные последовательности каким-то образом связывают нас с метафизическим миром в онтологическом потоке времени? Все дело в том, что иерархия ценностей, о которой впервые стал рассуждать Платон в учении о существовании вечных идей, по существу, было восстановлена Ницше в его делении ценностей на высшие и низшие. При этом, учитывая субъективный рационализм Ницше в его учении о вечном возвращении, мы должны рассуждать о материи времени, то есть определенном взаимодействии с миром созерцаемого времени как тотальном влиянии его потока на высшие слои психики. Понятно, что самые примитивные последовательности сознания времени, линейные, образуют систему массовых, или низших ценностей, которые скользят по поверхностности явлений, выражая исключительно мир физический. Мир же метафизический, который в период расовой катастрофы порождает хаос человеческих представлений, постоянно фрактально меняется в различных моделях цивилизаций, сохраняя лишь примитивизм низших ценностей в силу самого простого восприятия времени как линейной последовательности событий. Эта линейная последовательность обладает тем свойством, что человек в ней всегда «спасается», то есть здесь «вечное» понимается исключительно в пределах конечных представлений своей исторической эпохи, поскольку матриархальная часть религиозных представлений держится за эти спасительные представления любой ценой, как, впрочем, держится исключительно за материалистические представления о происхождении человека и мира современная наука.

Таким образом, в отличии от двух низших способностей познания человека: непосредственных чувственных ассоциаций и абстрактно мыслящего рассудка, разум действует в проти-

воречивости понимания, поскольку высшие слои психики человека вступают в противоречие с его низшими слоями, отображаясь, в результате, в противоречивости высших и низших ценностей жизни. Так, ценность, в отличии от абстрактного логического понятия, всегда сопрягается с чем-то бессознательным, поскольку онтология времени и есть высшая область бессознательного, ориентированная на духовную сферу психики человека. Поэтому, если область абстрактного рассудка активна ровно настолько, насколько жестко сконструировано представление, то область разумного понимания действительно настолько, насколько велик масштаб противоречия границы: между абстрактными представлениями о мире своей исторической эпохи и новейшими идеями его разумного понимания.

Почему образ времени «вращается», чтобы установить взаимосвязь с метафизической сущностью мира, по Платону? Мы полагаем, что здесь необходимо рассуждать о хаосе бесконечного многообразия фракталов природы в их движении к максимальной целостности, которая достигается как «стягивание» этого многообразия в точку зрения, которая на самом примитивном уровне является житейской истиной, а на максимально сложном уровне – философским знанием разумного понимания метафизического мира. Другим принципиальным моментом является вопрос о структуре физической материи, существующей во фрактальной реальности. Так, если предположить, что есть только материальный мир, то этот хаос Вселенной в современном научном представлении складывается стихийно вследствие упорядоченности различных видов физической энергии. Но подобное представление возникает при условии, что есть последовательность развития возникновения Вселенной, условно считая от момента большого взрыва. В этой концептуальной идеи существования Вселенной присутствуют лишь два низших уровня понимания: непосредственного восприятия и эмпирического научного рассудка. Мы же, в отличии

от известных представлений о строении физической материи, полагаем, что природа физического хаоса, наоборот, есть отображение максимальной строгости метафизических фракталов, которые действуют в глубинах расовой памяти человека как загадка его происхождения и возникновения Вселенной. Собственно, появление математической теории фракталов является «ответом» метафизического начала мира на «человеческую» попытку – исключить в процессе познания высшие подсознательные слои психики человека. Здесь мы обнаруживаем обратный процесс, который заключается в том, что методические усилия массовой культуры – ликвидировать все признаки активности высшей психики человека в своей коммуникационной системе, возвращаются в неожиданном качестве – в качестве обусловленности современного научного знания эстетическим восприятием как необходимым условием восприятия целостности научного знания. Мы видим, что фрактальная структура как нечто целое, есть художественный объект, который и есть нечто живое и подвижное, в отличии от своих отдельных фрактальных звеньев, поскольку ускользает во времени в онтологическую сущность бытия.

Понятно, что научная идея математического фрактала как элемента, отображающего бесконечно простой геометрический образ в максимальной сложности метафизического мира, появилась не случайно. Ей предшествовала почти трехсотлетнее развитие науки Нового Времени, в которой математический аппарат дифференцирования и интегрирования заложил логическую базу для ее возникновения. Другое дело, что представление о линейном движении и методы сведения криволинейного движения к линейному здесь были определяющими. Но в метафизическом мире, наоборот, не материя «подчиняется» человеку в его научном познании мира, а «человеческое» втягивается во что-то «сверхчеловеческое», то есть «человеческое» «заметается» онтологическим потоком времени во что-то

«мусорное», если теряет взаимосвязь с метафизическим целым. И если метафизика Нового Времени возникала из опыта школы схоластической мысли, насыщая чисто религиозное понятие Бога материалистическими законами понимания природы, то современная рациональная философия движется обратно: от чисто материалистического научного восприятия – к истине метафизического начала во времени, которое открывается на самом примитивном уровне в действительности математических фракталов.

Созерцая фрактальную картину реальности, можно заметить один очень важный психологический момент. Попытка сконцентрировать внимание на каком-то одном фрактальном объекте оказывается невозможной, поскольку фрактальная действительность, наоборот, «рассеивает» множество подобных фрактальных объектов в чем-то целом, что требует перестройки подсознательной психики: из низшего состояния психики – к высшему. Это можно сравнить с созерцанием современной авангардной живописи, в которой отсутствие отчетливой реальности объектов художественных образов направлено на задачу: видеть мир в онтологическом потоке времени, который «размазывает» непосредственную реальность физического мира, требуя концентрации на внутреннем созерцании. В подобной художественной картине мы созерцаем, что привычный мир реальности растворяется в хаосе каких-то полубессознательных образов, которые требуют восстановления границы: между физическим миром непосредственных чувственных ассоциаций и метафизическим созерцанием разумной действительности, что приводит к концентрации на максимальной целостности воспринимаемого фрагмента времени. Размышляя над появлением идеи фрактала в современной математике, мы должны понимать, что научный рассудок спрашивает о возникновении мира в процессе познания, а мировой разум ему отвечает в простейших элементах научного

знания. Кардинальное же отличие современной науки от ее классических начал Нового Времени состоит в том, что мировой разум указывает научному сознанию на художественную объективность метафизической картины целого, то есть на то, что в формировании кардинально новых начал науки лежит не простая механика, а сложное фрактальное поле метафизических процессов.

* * *

Почему все-таки фрактал имеет двойственную природу: художественного объекта, если созерцать целое фрактальной картины, и геометрического элемента различной структуры, если рассматривать его с чисто научной точки зрения? Здесь мы вновь обнаруживаем противоречивость разумного понимания мира, которое, например, можно обнаруживать в физической идее кванта света, который является, одновременно, и физической частицей, и волной. Именно здесь мы возвращаемся к мысли Гегеля о том, что противоречие есть подлинная «жизненность и движение». Противоречивость объективного понимания мира дает возможность развиваться новейшим разумным идеям. С другой стороны, именно с позиции фрактального мира мы только и может понять происхождение великих идей, меняющих судьбу мировой цивилизации: в науке, искусстве и политике. Идея, синтезируя учение анамнезиса Платона и мысль Ницше о «вечном возвращении», есть свойство подсознательной расовой памяти человека возвращаться к воспоминанию очень далекого прошлого на основании кардинально новой картины разумной действительности настоящего момента времени.

С психологической точки зрения, возникновение фрактального понимания мира есть задача восстановления активности высших слоев психики, которые пседоцивилизация практиче-

ски ликвидировала в современной психологии человека. Так, только художественное созерцание не разрушается под воздействием подсознательного инстинкта смерти человеческой индивидуальности, которая сохраняет таковую только при условии взаимосвязи с метафизическим миром. А не разрушается оно по той причине, что высшие психические процессы расовой памяти субъекта образуют тензорную взаимосвязь с метафизическим миром в момент этого созерцания, проникаясь энергией метафизического присутствия в точке пересечения: прошлого, настоящего и будущего времени как процесса «стягивания» сознания к высшей ценности жизни. Можно сказать, что низшие процессы психики блокируются за счет этого тензорного напряжения высших слоев психики, или что равносильно воле к власти, если понимать «захват» высших процессов психики энергией метафизического мира. Ведь человеческая психика – это определенного рода энергетический «канат» процессов взаимосвязи: непосредственных ассоциаций и абстрактных представлений о мире, если мы рассуждаем о низшей грани понимания. Низшие грани этого «каната» – социальные комплексы массового бессознательного, высшие грани – тензоры взаимосвязи психических процессов расового бессознательного, определяющих рациональные коммуникации между людьми. Но в обоих случаях, фундаментальные последовательности фрактальных связей и создают поле высших и низших ценностей, по которым движутся психические импульсы, передающие энергию воле и влечениям.

ГЛ. 6
ЛОГИКА ФРАКТАЛЬНОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ ВРЕМЕНИ

Вот что такое время: число движения в отношении предыдущего и последующего

Аристотель

Причины, по которой философия Ницше возвращается к дионисическим мистериям, имеет ту же природу, что и популярность, которую получили египетские культы перед падением Римской империи. Логику идеи «вечного возращения» необходимо искать в возвращении к памяти предков, под которой мы должны понимать возвращение к глубинам расовой памяти, когда одна модель мировой цивилизации исчезает, а другая только формируется. Это процесс параллельный, когда одни доминирующие политические силы мировой истории истощаются, а другие, наоборот, набирают свою историческую силу. Ведь цивилизация – это «огонь», который сжигает до тла высшие ресурсы психики народов, находящихся в авангарде развития процессов мировой цивилизации, оставляя после себя тот «пепел» культуры, который становится системой конечных представлений о мире. Крайне опасно в данном случае полагать, что речь идет о какой-то новой религиозной системе взглядов, поскольку современный поворот развитий событий в истории мировой цивилизации не имеет своего аналога в прошлом. И, как многим казалось в момент исчезновения античной модели цивилизации в начале христианской эры, что можно как-то возродить символы религии прошлого, то есть

религиозного опыта восточных цивилизаций, прежде всего, египетской, так и в последнее столетие многие, кто не владеет разумным пониманием мира, пытались и пытаются возвратиться к языческим культам. Как известно, наиболее мощным политическим движением такого рода было явление фашизма. Можно, впрочем, найти много фрактальных подобий мощных политических движений на стыке двух моделей цивилизаций коммунизму и фашизму, например, манихейство.

Если в психоаналитическом учении Фрейда комплекс психики возникает в результате взаимодействия человека с социальной средой своего исторического времени, то есть с конечными представлениями о мире абстрактного рассудка, то тензоры высшей психики формируются новейшими идеями развития мировой цивилизации, по существу, вступая в противоречие с этими конечными представлениями рассудка. И действительно, можно заметить, что теория Фрейда не только не вступает в конфликт с торгово-промышленной моделью цивилизации, но и, наоборот, продлевает ее существование, указывая на линейное представление развития событий мировой истории, поскольку указывает на бессознательные начала низших процессов психики, также являющихся фрактальными последовательностями времени, но только выражающих границу взаимодействия между непосредственными чувственными восприятиями и процессом формирования абстрактных представлений рассудка. Но исследование массового бессознательного не случайно заканчивается на крайнем противоречии в понимании логики подсознательных влечений в инстинкте смерти, с которым психолог работал в последние годы своей жизни. Процесс развития мировой цивилизации, который в тот исторический момент сконцентрировался в Германии, обрывается на исследовании Фрейдом феномена подсознательного инстинкта смерти, поскольку высшие слои психики человека, взаимосвязанные с расовой памятью предков, хранят в себе

метафизическую взаимосвязь с прошлым, которое определяет высшие ценности мировой истории в самых разрушительных слоях бессознательного. Но может ли подсознательный инстинкт смерти быть биологическим влечением? – вот в чем вопрос. Впрочем, частичный ответ на него дает нам Ницше, когда он обрушивается на всю историю философии идеализма именно с точки зрения бессознательной попытки сознания человека, – искать «истинное» в своем инстинкте биологического самосохранения. По существу, одним из наиболее содержательных противоречий философии Ницше, как родоначальника нового вида субъективного разума, и является вопрос о процессе разрушения низших слоев психики, чтобы добраться до основания границы: между абстрактным рассудком и действующим разумом. Можно сказать, что метод его философии, – это «сталкивание» подсознательно естественного движения влечений человека, с тотальным его разрушением во власти того, что Фрейд называл «инстинктом смерти». В результате этого «столкновения» и образуется метафизический импульс воли к власти, который обладает разумным содержанием только при условии фрактального понимания действительности, или объективности существования высших ценностей. Мы же, с позиции объективного исторического разума, утверждаем, что речь идет не о культуре, обусловленной массовой системой ценностей, а о логике процесса развития мировой цивилизации, который имеет кардинально иную природу, чем социальные структуры. Как раз социальные структуры и описываются низшими процессами психики, которые в результате подавления животных влечений человека социальными представлениями своей эпохи образуют определенные связи массовой псевдоцивилизации. Психоаналитический тензор, следовательно, является конструктивным элементом связи сознания и бессознательного принципиально иного типа, чем социальный комплекс. Если комплекс психики

образует социальную конструкцию «человеческих» коммуникаций, то тензорная связь внутренних процессов цивилизации всегда ускользает в метафизическую энергию, которая имеет темпоральную природу, сохраняя иерархию границы высших и низших ценностей. Таким образом, психологическая граница непосредственных чувственных ассоциаций и человеческих представлений имеет совершенно иную базу психических реакций, чем психологическая граница абстрактного рассудка и действующего разума. Если абстрактный рассудок, преодолевая противоречия, возвращается к чисто материальному восприятию мира, который является исключительно «человеческим», то действующий разум всегда ускользает в метафизический мир, где материя существует на самом примитивном уровне понимания, на что первым обратил внимание Платон, развив свое учение о вечных идеях.

Кто или что ведет диалог с высшими процессами человеческой психики, если это высшее начало бытия невозможно представить? Мы полагаем, что этот диалог ведет с его бессознательным его расовая память, где события мировой истории воспринимаются во фрактальной системе координат. С другой стороны, процесс «выпрямления» дискретной логики развития фрактального рисунка диктует метафизическая энергия онтологического потока времени, которая и есть то метафизическое начало, во взаимодействие с которым сознание человека вступает через бессознательные импульсы психики, которые нигде практически не задействованы в массовом обществе. Но именно эти импульсы и являются той основой рациональной психологии, которая почти полностью утрачена в современных процессах псевдоцивилизации, где доминирует полный хаос: политический, моральный, интеллектуальный. Собственно, фрактальная модель рациональных коммуникаций как упорядочивающая мера хаоса и есть метафизическая мера онтологического времени, образующая мир.

Когда исчерпывается очередная историческая модель цивилизации, переходя в состояние псевдоцивилизации, хаос ее распада захватывает практически все. Но в первую очередь, он разрушает привычные ценности жизни, где существует традиционная схема понимания происхождения человека и мира. Впрочем, необходимо осознавать, что это естественное разрушение, поскольку в этот момент условное совпадение, или тождество полноценного сосуществования цивилизации и культуры, заканчивается, вступая в глубокое противоречие. Суть этого противоречия заключается в том, что метафизика мира начинает исчезать для постижения известных средств абстрактного рассудка, тогда как разум из познающего в этих известных средствах, становится разумом оценивающим. Базой оценивающего разума являются фрактальные последовательности высших процессов психики, которые естественным образом вступают в противоречие с известными абстрактными схемами рассудка, в которых существует традиционно рациональное понимание мира. Можно сказать, что здесь нечто сверхчеловеческое вступает в конфликт с человеческим, когда последнее «дрейфует» в сторону животных влечений, то есть в сторону низшей границы психики: между животным существом и абстрактными представлениями. Под «сверхчеловеческим» мы понимаем фрактальные последовательности процессов высшей психики человека, которые «стягиваются» в точки отображения сознания высших ценностей в глубинах расовой памяти, оправдывающих существование человека перед судом мировой истории. Подобное «стягивание» производят тензоры внутренних процессов мировой цивилизации, которые принципиальным образом отличаются от социальных комплексов, поскольку в них взаимосвязь между индивидуальностями происходит в метафизическом мире. Ведь разумная индивидуальность только и может существовать за счет взаимосвязи с проектом существования метафизического мира. В противном

случае, человек теряет свой разум, когда его абстрактный рассудок рассеивается в хаосе эклектики представлений о мире.

* * *

Как возникает тензор взаимосвязи внутренних процессов развития мировой цивилизации? Понимание его возникновения исключительно важно в исторический момент расовой катастрофы, когда полюса противоречий между ценностями цивилизации и культуры достигают своего апогея. В этот момент культура начинает стремительно отдаляться в прошлое, а цивилизация, чьи внутренние рациональные коммуникации казались еще совсем недавно незыблемыми, стремительно распадаться, переходя в стадию псевдоцивилизации, то есть такого распада, в котором в качестве активных энергетических подсознательных ритмов рациональной психологии не остается ничего, кроме усиливающего инстинкта смерти, взрывающего пласты высшей психики, чтобы выявить отображения фрактальных потоков онтологического потока времени. В них тензор онтологического потока времени, действующий в сознании человека как отображение высших ценностей прошлого, есть подсознательный инстинкт смерти, который хранит взаимосвязь с духом нации, а дух нации есть нечто неразрывное с мировым историческим разумом. Таким образом, можно полагать, что тензоры высших ценностей, которые связывают индивидуальный разум человека с процессами мировой цивилизации, протекают по фрактальным последовательностям потока высших психических процессов. В определенном смысле, человеческий рассудок их «выпрямляет» для восприятия в представлении, где одним из таких доступным для математического анализа образов является образ геометрического фрактала.

То общее, нечто подобное, что указывает на относительную взаимосвязь социального комплекса и цивилизационно-

го тензора, является их тотальная вовлеченность в процессы бессознательного: массового, в первом случае, и расового, во втором случае. Под «расовым», мы понимаем сам феномен возникновения расы Homo Sapiens. Можно, конечно, до бесконечности расширять абстрактные научные представления о возникновения человеческой расы в теории биологической эволюции, но при этом необходимо забыть о том, что у человека существует разум. Ведь по самой своей сути, разум есть метафизическая граница между его животным существом и высшими процессами психики. И когда эта высшая граница исчезает, власть животных влечений «врывается» в сознание всей своей мощью, а по существу, низшими ценностями жизни. Характерной чертой такой линейной последовательности представлений является практически полное отсутствие в них противоречий в понимании мира. Поэтому культура вне соприкосновения с новейшими идеями развития цивилизации становится основой доминирования иррациональных процессов псевдоцивилизации.

Почему мы полагаем, что в новейших событиях мировой истории речь идет о принципиально новой модели мировой цивилизации? Ведь, например, последовательные исторические эпохи, как и сменяющие друг друга производственно-экономические «классы», если учитывать учение марксизма, также находятся в глубоком противоречии, требующего необходимости революций для дальнейшего развития мировой истории. Все дело в том, что в новейших событиях мировой истории кардинально изменилась метафизическая мера существования человека, которая явилась откровением онтологического потока времени, чья метафизика ворвалась в жизнь человека практически полным сломом традиционных представлений о мире. Произошло это во всем поле существования мировой цивилизации, то есть практически в судьбе всех народов. В результате, национальные элиты всех народов оказались в полной

изоляции по отношению к возможности участия в процессах строительства мировой цивилизации, поскольку псевдоцивилизация не предполагает участия в своих социальных структурах разумных людей, а национальная элита любого народа всегда выражает определенную взаимосвязь между разумными людьми. Псевдоцивилизация, как мы утверждаем, кардинально отличается от цивилизации тем, что в ней исчезает метафизическое пространство рациональных коммуникаций, то есть то основное, что связывает бессознательные импульсы расовой психологии человека с метафизикой онтологического потока времени.

Что значит: метафизика мысли? – и почему она так исключительно важна для существования рациональных коммуникаций между людьми и, в частности, для полноценного существования мировой цивилизации. Мы полагаем, что метафизика, если обозначить ее материю в непосредственном образе жизни человека, является воздействием его глубинных подсознательных импульсов расовой памяти, которые проистекают из индивидуального бессознательного инстинкта смерти. Можно сказать, что фрактальное подобие поведение различных народов в истории, где, несмотря на различные потрясения и революционные преобразования, народ движется в определенном направлении своего развития, определяется национальным духом народа, то есть его вкладом в высшие ценности мировой цивилизации, или в выражении новейших идей ее рационального развития.

В нашем понимании, метафизическое пространство есть такое поле рациональных коммуникаций, в которых присутствуют энергетические тензоры расовой памяти человека, то есть движение тензоров высшей границы психики, где разумное и рассудочное, «переплетаясь», образует тождество культуры и цивилизации. Здесь процесс противопоставления и опосредствования их внутренних противоречий, когда одна граница,

или грань, низших психических процессов вступает в противоречие с высшей гранью, выражает момент «разрыва» тензорами рациональных коммуникаций подсознательных животных влечений. В данном случае речь не идет о «вытеснении» влечений, с чем работал психоанализ в поисках определения возникновения и становления абстрактных представлений, а о дискретном разрыве, фрактальной «кривизне», образующей онтологический поток ценностной ориентации, который выносят фрактальные последовательности времени из глубин расовой памяти человека. Другими словами, расовая память и есть этот онтологический поток времени, если мы рассматриваем высшие психические импульсы человека, аккумулирующие его импульсы разумной воли.

Если линейное представление о времени является лишь абстрактной логической конструкцией с точки зрения разумного понимания действительности, то как можно определить время в качестве движения фрактальной последовательности исторического события? Мы утверждаем, что критерий присутствия онтологического потока времени, доказывающего существование цивилизации в данный исторический момент, в отличии от профанации присутствия таковой в иррациональных процессах псевдоцивилизации, является процесс непрерывной перестройки высших слоев психики человека, связанных с его подсознательным инстинктом смерти. Последнее, можно сказать, есть критерий наличия разума в человеческой душе, который присутствует всегда, когда самосознание испытывает неизбежный конфликт с доминирующей системой ценностей своей исторической эпохи. Ведь абстрактная мысль необходимым образом стремится «выпрямить» два фрактальных момента времени, соединив их в некое целое, в некую систему представления конечного математического образа, где отсутствие противоречия в понимании определенного содержания мысли гарантирует повторение правильных геометрических фигур,

например, круга, спирали или, что особенно устойчиво для любой системы представлений, прямой линии. И на что может опираться эта абстрактная мысль? – только на математическую конструкцию представления, которая совершенствуется от одной модели – к другой, начиная с существования древних восточных цивилизаций. Это можно проследить в истории математики, на что обратил внимание уже Шпенглер. Поэтому появление математической теории фракталов доказывает, что в понимании подлинной природы феномена времени, как с научной, так и с метафизической точки зрения, современная мировая цивилизация подошла относительно недавно, причем, с «нулевых» позиций понимания происхождения мира и человека. Вообще, рассуждая о чем-то метафизическом, мы не можем не указывать на научный момент понимания самой физической основы объективности материи, поскольку, в противном случае, речь идет о какой-то фантазии, о чем-то мифологическом, что изначально уже противостоит разумному пониманию действительности.

Логика фрактальной последовательности высшей ценности, возникающей из глубин подсознания расовой памяти человека, выявляется всегда в разрушительном процессе подсознания, который вызывает тяжелые психосоматические состояния, поскольку воздействие подсознательного инстинкта смерти всегда разрушительно для человека. Разрушение обусловлено тем, что рациональную психологию приходится кардинально перестраивать, то есть искать и утверждать новую метафизическую меру, которая возникает «естественно», если под «естественностью» понимать духовную организацию психики человека, то есть процесс высвечивания видимости горизонта наступающих исторических событий будущего и возможность опираться на ушедшие исторические события прошлого.

В вопросе понимания того, что «число движения» времени есть образ фрактальной структуры материи, мы должно пони-

мать, что метафизическое начало мира показывает нам, что без полноценной эстетической интуиции восприятия реальности, мир предстает раздробленной картиной, где полностью утрачено восприятие целого. Собственно, это и есть хаос представлений, возникающий в момент распада одной модели мировой цивилизации и возникновения новой модели. Моделируется архитектоника бытия как отображение метафизического начала мира, которое не может быть в принципе «очеловечено» в том смысле, что «история заканчивается», поскольку неизбежно происходит обвал в новую фрактальность, которая топологически «натягивается» на хаос «человеческих» представлений в момент расовой катастрофы, или катастрофического ослабления высшей активности психики. Именно фрактальный «обруч» высших процессов подсознательной психики «стягивает», или, можно сказать, измеряет, оценивая, человеческую жизнь перед судом мировой истории. Это и есть функциональность оценивающего разума. Она характеризуется структурами тензоров высшей психики, которые возникают постепенно в высших слоях человеческой психики, производя перестройку рациональной психологии человека в проекции на новые идеи развития мировой цивилизации. Но новые идеи развития мировой цивилизации, фрактально, есть лишь нечто то, что существовало в прошлом, но высвечивается кардинально новым разумным содержанием в настоящем. Поэтому создается впечатление, что «история закончилась», хотя в действительности возникла лишь более сложная метафизическая мера в процессе развития мировой цивилизации, полностью владеющая высшими процессами психики человека. Понятно, что история в современном разумном понимании исторических событий начала развиваться во фрактальной последовательности событий прошлого и наступающих событиях будущего, когда все предшествующие представления о логике исторических событий трансформировались в нечто мифологическое. В результа-

те, прошлое оказывается где-то рядом, даже самое отдаленное во времени, «притягиваемое» в процессах высшей психики через тензоры воспоминания расовой памяти. Это притяжение – та суровая «цепь», где в высших слоях человеческой психики существует расовая память момента возникновения мира и самого человека. Понятно, что все, что нам известно о происхождении человека, на сегодняшний момент, является мифологией человеческих представлений, «прогрессивных», если мы рассматриваем биологическую теорию происхождения человека, или архаичных, если рассматривать религиозные представления.

* * *

Почему все-таки мы рассуждаем об оценивающем разуме, а не о системе научных понятий или категорий, с позиции которых выступала западноевропейская классическая философия? Проблема состоит в том, что понятийная научная система всегда базируется на какой-то законченной системе представлений. Например, диалектика философии Гегеля – на системе субъективных рассудочных суждений представлений Канта, а диалектика Платона – на моральном учении философии Сократа. Однако фрактальная последовательность течения онтологического потока времени не представляема в принципе, хотя и практически полностью определяет жизнь человека в массовом обществе, где весь этот образ жизни почти полностью строится по течению времени в механических часах. Конечно, это время мифологично, если учесть, что оно воспринимается в линейной последовательности протекающих событий, однако в мифологическом пространстве очередных Темных Веков, которые разворачиваются в процессе расовой катастрофы, метафизическое начало мира всегда в первый момент формируется какой-то новейшей великой идеей его пони-

мания как непостижимое откровение, поскольку для его разумного осмысления необходимы столетия, чтобы постигнуть и раскрыть его подлинное содержание. Так было с величайшей идеей существования Бога и аналогичный процесс происходит в начале становления новой модели мировой цивилизации в понимании закономерностей метафизики времени.

То, что можно заметить на каждом «витке» расовой катастрофы мировой истории, когда одна модель мировой цивилизации заканчивается, а другая возникает из варварства мистической новизны метафизического начала бытия, так это практически тотальный хаос в представлениях о мире. Вследствие этого хаоса рушатся привычные схемы понимания мира, постепенно подвергаясь деформации со стороны тензоров высших процессов человеческой психики, которые перестраивают рациональную психологию человека в соответствии с восприятием нового метафизического начала. Причем, эта перестройка ставит акцент на том психологическом состоянии, который наиболее устойчив в способности человеческой души существовать во власти этого метафизического начала. И если монотеистические религии ставили этот акцент на моральных заповедях поведения человека, то современные новейшие идеи развития мировой цивилизации ставят акцент на полноценном эстетическом восприятии, поскольку только полноценное эстетическое восприятие мира способно сохранять целостность его понимания в момент максимального разрушения. Собственно, из этого состояния хаоса максимального разрушения представления в данный момент времени и возникает фрактальная связь, которая формирует тензорный переход двух фрактальных временных последовательностей, то есть ориентацию на высшие ценности жизни. И, наоборот, низшие ценности стремятся к максимальной стабильности восприятия человека, проникая в низшие психические процессы и контролируя их, исследованием чего и занимается психоанализ.

Чем является хаос не с физической точки зрения, которая более-менее ясна с позиций современной науки, а с точки зрения действительности метафизического мира? Мы утверждаем, что этот хаос является процессом разрушения привычных представлений о мире, которые доминировали столетия, а то и тысячелетия. Причем выстраивание устойчивости этих представлений всегда происходило в определенной линейности сознания происходящих процессов, если мы рассматриваем последние два тысячелетия мировой истории, где существует отчетливый момент представления о начале сотворения мира. По инерции, это религиозное представление перешло и в научные представления современных физических теорий, где момент сотворения мира божественной волей Творца был заменен на момент большого взрыва и возникновения Вселенной. Но проблема состоит в том, что линейное представление возникновения Вселенной в современной физике наталкивается на крайнее противоречие именно с позиции начальной точки возникновения, когда попытка преодолеть непонимание того, что было до этого нулевого момента приводит к разного рода фантазиям, как, например, периодического сворачивания и разворачивания Вселенной, гипотезы о параллельных Вселенных и тому подобное.